

УДК 821.161.1-053.2

ББК 84(2=411.2)6

Б86

Ботева, Мария.

Б86 Сад имени т. с. : [для сред. шк. возраста : 12+] / Мария Ботева ; рис. Капыч. — М. : КомпасГид, 2018. — 160 с. : ил.

ISBN 978-5-00083-414-5

Как же иногда тянет на родину! А родина — вот она — совсем рядом, через пару кварталов. Света и три её брата — Глеб, Васька и маленький Сашка — бегают туда с удовольствием. Ведь на родине — любимый старый дом (с чердаком!), запылившиеся ненужные предметы, заросший одичавший сад. И не просто сад — а имени т. с.!

Но постойте, пока что у сада нет имени! Сначала всё большое семейство переедет в новую квартиру — в огромном доме на много-много этажей. Потом в тяжеленном ящике с фотографиями найдётся снимок Трофима Савоськина — 19-летний прадед позирует на улицах Берлина в мае 1945-го. Васька заочно влюбится в деда-героя и всем вокруг о нём расскажет. А вот затем Свету и троих мальчишек ждёт большое испытание — им предстоит защищать родину!

Может ли прошлое влиять на нас? К удивлению персонажей повести, ещё как может: благодаря прадеду, чей подвиг едва не канул в Лету, жизнь семьи резко и бесповоротно изменится. К лучшему!

Мария Ботева (родилась в 1980 году) — автор книг «Мороженое в вафельных стаканчиках», «Ты идёшь по ковру» и «Маяк — смотри!», уже вышедших в «КомпасГиде». Её проза — для тех, кто любит погружаться в текст с головой, читать и перечитывать по кругу, находя всё новые детали и наслаждаясь красотой каждого слога. Писательнице всегда удаётся дать читателю пищу для размышлений и обсуждений: недаром сборник «Мороженое в вафельных стаканчиках» вошёл в список «Белые вороны» Мюнхенской международной юношеской библиотеки как особо значимое и актуальное произведение. Рассчитанная на читателей среднего школьного возраста повесть «Сад имени т. с.» — книга сколь своевременная, столь и вневременная: это та классика, которая рождается на наших глазах.

УДК 821.161.1-053.2

ББК 84(2=411.2)6

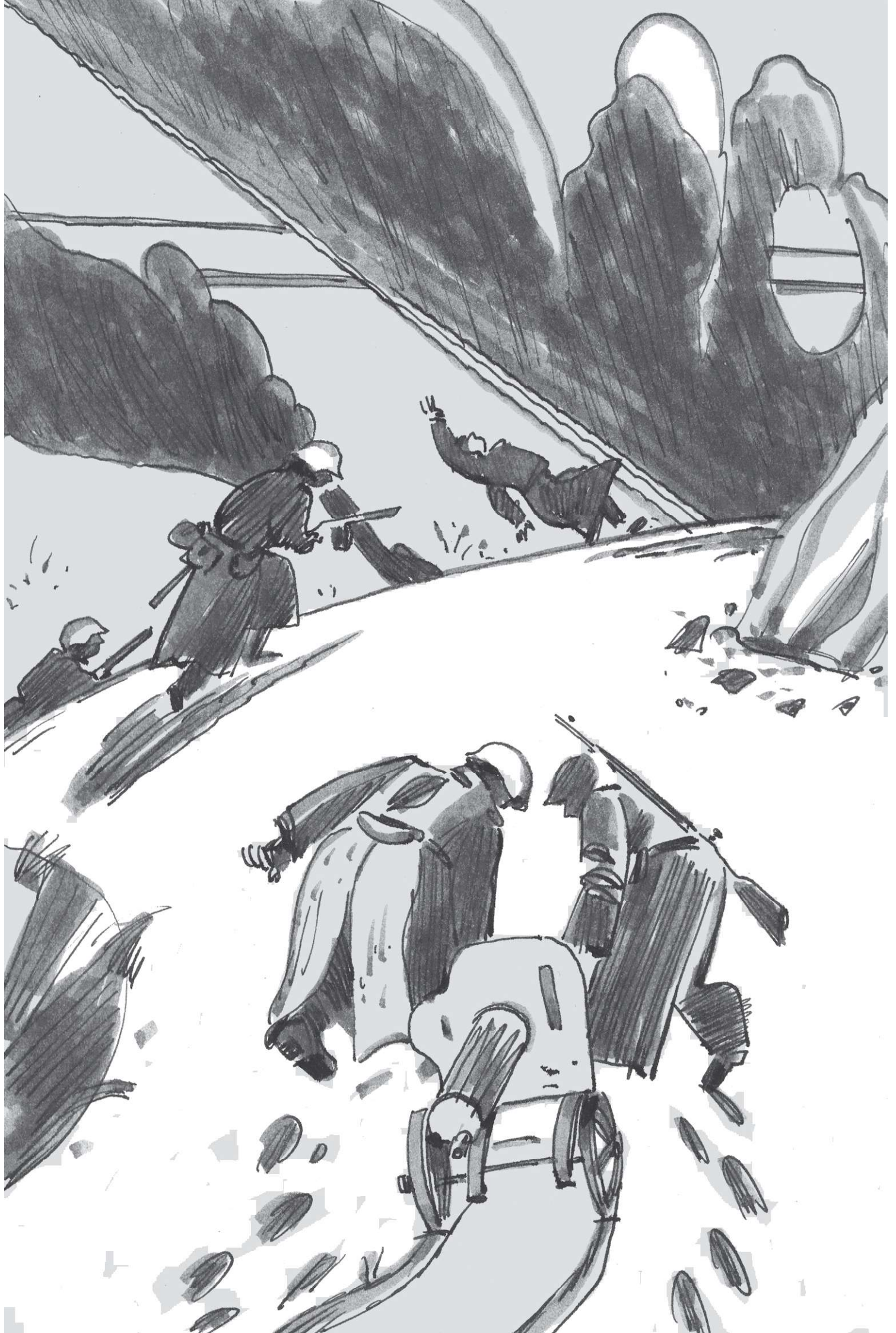
Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

© Ботева М. А., текст, 2018

© ООО «Издательский дом «КомпасГид»,
2018

ISBN 978-5-00083-414-5

ЗИМА

Мама сбегает на родину

Мы несли нашу маму на одеяле. Вокруг лежал снег, гулял небольшой ветер, луна пряталась где-то за зимней хмарью.

— Морозец, морозец, — бормотала мама.

Как какая-нибудь северо-южная королева, сидела она на мягком одеяле, в зимнем пальто прямо посреди поляны нарисованных ромашек. Больших трудов ей стоило удерживать спину прямо, все же одеяло — мягкая и зыбкая вещь, и если оно не лежит на кровати, то сидеть на нем неудобно, поэтому скоро она подозвала Глеба. Он встал позади, и мама привалилась к нему спиной, а мне пришлось заменить брата и тоже нести маму. Я взяла одеяло за угол, обмотала вокруг запястья, чтобы не выскользнуло. Передний край поляны тащил Васька со своим вечным Денькой. Мы с Димкой были сзади, Глеб тоже, но он поднимал двумя руками середину так высоко, чтобы одеяло было похоже на сиденье кресла. Мы прошли так двадцать один или двадцать два шага и уронили маму. Хорошо, что она не очень большая и не очень толстая, а то уронили бы раньше. Пришлось Глебу бежать домой за санками, не понимаю, почему сразу мы до этого не додумались. Теперь дело пошло быстрее. Сашка даже начал отставать от нас, но мама взяла его на руки, и мы снова замедлились. То Глеб, то Димка, то Васька с Денькой катили санки. Я шла рядом.

Вечером, когда все мы были дома, Сашка упал на пол и начал реветь. Просто Васька не давал ему покататься на своем самокате, а у Сашки дурацкая манера падать

на пол, когда ему не дают покататься на самокате. Ему никогда не дают, потому что такой маленький ребенок с него запросто свалится. Понимал бы чего, ради его же блага. Так нет! И вот сегодня тоже он лег на пол и начал реветь. И тут мама сказала:

— Всё! Дети, всё! Мне это надоело. Я устала, и я сбегаю из дома. Не смотрите, куда я иду, закройте глаза.

Мы закрыли. Сашка на полу прекратил ныть и стал медленно мигать. Васька сильно зажмурился, но не успел остановиться, поэтому врезался в шкаф на своем самокате. И захныкал, так и не открывая глаз. Я знаю, я подглядывала через ресницы. Мама уже говорила, что сбежит из дома, но еще ни разу не сбегала, и мы не верили никто, что это когда-то случится.

Но она сбегала! Вот подошла к вешалке. Вот стала разгребать всю нашу одежду на полу: двадцать минут назад Васька решил вытащить из пальто свои варежки, потянул рукав, и оторвалась вся доска с крючками. Хорошо, он успел отскочить, а то бы мы долго искали его под нашей одеждой. Полка свалилась с таким грохотом, что у дяди Вити внизу на полминуты перестала играть музыка. Вот уже вторые выходные он громко включает

свои колонки, чтобы не слышать нас. Не сразу он додумался, но теперь так и поступает и еще надевает наушники. Поэтому он улыбается нам в лифте и во дворе. Всегда. Всегда, когда видит. Никаких претензий, никакой ругани. Только улыбка и понимание, понимание и улыбка. Я даже подумала, что мама может сбежать к нему в случае чего. Дядя Витя только улыбнется и распахнет свою дверь, и квартира его станет тихим убежищем для нее. Нет, не станет, у него же громко играет музыка в выходные, это я позже догадалась.

Мы стояли с закрытыми глазами, а мама все разгребала и разгребала одежду. Далеко в разные стороны отлетали наши куртки, шапки, шарфы. Моя варежка даже повисла на елке в большой комнате. Когда маме удавалось найти что-то свое, она говорила негромко:

— Шапка... Перчатка... Кофта...

А мы всё стояли, молча и с закрытыми глазами. Тишина стояла рядом с нами. Через минуту она спустилась и к дяде Вите с нашего шестнадцатого на его пятнадцатый этаж. Замолчала дрель у дяди Толи, он живет через стенку, в соседнем подъезде. Заглох телевизор тети Вали тремя этажами ниже, замолчали ее гости. На улице тихо-тихо пошел снег.

— Всё. Я убегаю, — сказала мама, и младшие братья дружно подставили ей носы для поцелуя. А Васька спросил:

— Но как ты побежишь? Ты же очень устала.

Мама от удивления чуть не села на пол, хорошо, что у стенки стоял стул.

— И правда, — сказала она, — как это я не подумала?

— Может, тебя понести? — Васька предложил.

Все открыли глаза и посмотрели на маму. Глеб улыбался.

— Да мама же никуда не уйдет, она пошутила.

Но мама смотрела очень серьезно: нет, уйдет. Глеб все еще улыбался, но так, как будто он потерял очки и теперь не знает, что делать. А он же не носит очки.

— Как? Как то есть?

— Вот так, — тихо сказала мама и опустила голову, — устала.

Васька подошел к маме и попробовал ее поднять. Ему только завтра будет девять, а мама вон какая большая. Конечно, ничего не вышло. Сашка хотел помочь, но куда ему: он совсем еще малыш. Мама ни на сантиметр не приподнималась, сидела себе, и всё.

Вдруг открылась дверь, и вошел дядя Витя.

— Привет, соседи! Тихо у вас. Всё в порядке?

— Мама сбегает, — сказал ему Васька.

— Устала, — объяснил Сашка.

Дядя Витя посмотрел на маму, потом на Глеба. Наверно, думал, что Сашка с Васькой чего-то не понимают. А мама даже головы не подняла, так и смотрела в пол. Дядя Витя нагнулся, потом присел на корточки, снизу заглянул ей в лицо.

— Надя. Объясни.

Мама молчала. Зато Васька сказал:

— Мама сама идти не может, устала. Мы ее понесем.

И снова они с Сашкой попытались ее приподнять. Ничего. Глеб пожал плечами.

— А вы все вместе, — посоветовал дядя Витя.

Глеб стоял в стороне, я подошла помочь, но ничего не вышло, конечно, а Сашка вообще упал от стараний.

— Ладно, соседи, разбирайтесь тут, — сказал дядя Витя, а я уже и забыла, что мы не одни в квартире. — Советую завернуть ее в одеяло.

И ушел. Обернулся и добавил еще:

— Дверь не забудьте закрыть, нараспашку всё. Не в деревне.

Сашка притащил свое одеяльце, но мама в него не поместилась, конечно. Мы перебрали все одеяла, все полотенца и покрывала. Глеб смотрел на наши сборы как на малышовую возню, но и он не выдержал — стал скручивать ковер в большой комнате. Но на одном его конце стоял диван, а диван мы поднять не смогли. Наконец Васька нашел в шкафу одеяло, которое когда-то давно мне подарила бабушка Света из Латвии. Оно было таким красивым, с поляной ромашек.

— Это тебе приданое, — сказала она, когда дарила.

Приданое так приданое, мама и положила его в шкаф. И когда переезжали, то тоже убрали подальше. И вот теперь оно пригодилось: легкое, прочное, большое. Мама села на одеяло и не захотела больше вставать.

Мы собрались быстро, даже Сашка, который очень не любит одеваться. Он сам влез в свой комбинезон, я только застегнула «молнию». Васька завязал ему шапку. А про варежки мы забыли. Поэтому мама в конце концов взяла его к себе на санки с одеялом и стала дуть на руки.

Но это было потом. А когда мы оделись, то поняли, что не сможем унести маму. Она тяжелая, одеяло большое, а нас мало. Глеб побежал на шестой этаж звать своего нового друга Димку, а Васька привел одноклассника Деньку. Не знаю, как этого Деньку отпустили, к ним уже, кажется, пришли гости.

Как только мы вышли из подъезда, мама решила, куда собирается бежать от нас.

— Несите меня на родину! — сказала она весело.

На родину — хорошая идея, к тому же совсем недалеко. Все лето мы бегали на стройку. Три минуты — и вот новый дом. Все лето делали тут ремонт, белили потолки, наклеивали обои, стелили линолеум. Выйдешь из старого дома — вот и новый. Но когда в зимней темноте сначала несешь на одеяле, а потом везешь маму на санках, это расстояние вдруг увеличивается. Васька и Денька впереди сопели и пыхтели, останавливались, чтобы поменяться местами. Когда уставали, их заменяли Глеб с Димкой. Я помогала им — толкала санки сзади. По сугробам мы добирались до нашего старого дома так долго — мне кажется, я бы могла решить все, что нам задали на каникулы по математике. Снег мешал нам идти, заметал тропку, луна слабовата, честно сказать, нынче была, темновата. Хорошо, у Глеба всегда в кармане фонарик.

Руки устали и замерзли. Ноги еле двигались. У Сашки закрывались глаза. Васька с Денькой молчали, хотя обычно смеются или ругаются. Денька иногда вздыхал, и мы понимали, что ему попадет: уйти неизвестно куда перед самым Новым годом — это не шуточки. Только у Димки было невозмутимое лицо, на которое мне совсем не хотелось смотреть. Впрочем, мне не хотелось видеть уже никого, может быть, только разглядывать звезды, лежа в сугробе.

Мы все рухнули в снег, когда добрались до родины. Правда, Денька быстро встал и побежал домой. Пробурчал пару слов про Новый год и новое счастье и убежал.

Димка тоже ушел, мама ему сказала внушительно, что нужно проводить Дениса.

— Вот, мама, мы на родине, — и Глеб посветил на колодец.

На дом светить не стал, наверно специально: как только мы уехали, он начал разваливаться на глазах. Даже окна уже не все целые. Но дрова в поленнице еще есть, и печка стоит.

Мама молчала. Мы молчали тоже и не знали, что нам делать дальше. Так мы и стояли, а снег падал и падал, и я подумала, что если так пойдет дальше, то скоро все мы станем сугробами. Может, это и неплохо, я люблю зиму и снег, но весной придется растаять.

— А скоро Новый год? — вдруг спросил Васька.

Сашка стал крутить головой туда-сюда, попробовал снять свою шапку, но у него не получилось. И спросил:

— А где Дед Мороз?

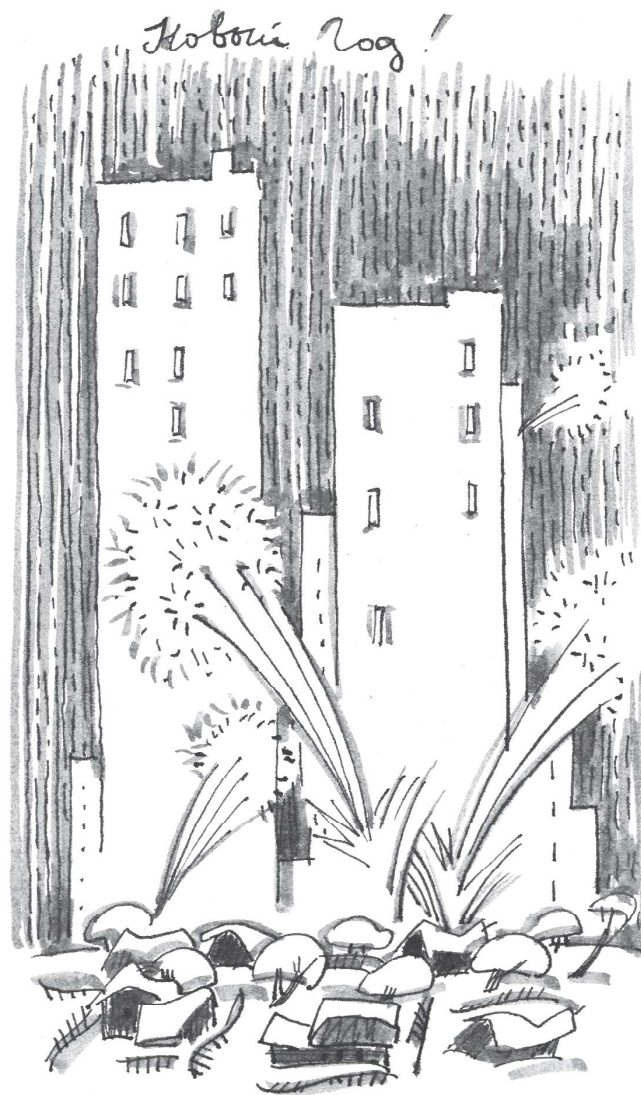
И правда, он уже должен быть. Я достала телефон и позвонила.

— С Но-овым го-одом! — услышала я самый настоящий дед-морозовский голос.

— Папа, мама сбежала. На родину. Мы тут с ней. Ты скоро приедешь?

— Уже выезжаю, — ответил папа своим обычным голосом. Это хорошо.

Папу решили дожидаться в старом доме, вместе с мамой. Глеб ходил из комнаты в комнату, светил своим фонарем. Мама села возле печки и долго не могла ее затопить. За три недели печь отсырела, через трубу навалило снегу, так что огонь не загорался. Сначала пришлось долго жечь бересту и бумагу, Васька сдирал обои на кухне и приносил маме. Постепенно тонкие лучинки занялись, потом пошли дрова потолще. Глеб устал бродить по дому, мы все собрались у открытой печи, принесли дрова и на них сидели, смотрели на огонь. Сашка заснул у Глеба на коленях. На улице шел снег, и в доме немного тоже. Как быстро портится дом без хозяев, вот уже и дыры на крыше и в потолке появились. Но сейчас это даже радовало: получалось, что мы одновременно и в доме, и под снегом. Можно было просидеть так всю ночь, но тут открылась дверь, и вошел Дед Мороз. Папа, конечно, просто в костюме Деда Мороза.

— С Но-овым го-одом!

Сашка немедленно проснулся и запрыгал вокруг него, Васька начал бегать кругами. Папа достал из мешка елочные игрушки, мишуру, свечи, цветы. Мы украсили печку, развесили мишуру на окна, и дом стал немного похож на наш прежний крепкий дом, где мы встречали все праздники. Только слегка темноватым в этот раз выдался праздник, с одним только фонариком, с одной только печкой. Вдруг на улице загрохало, засверкало. Это наступил новый год, и все наши соседи

из шестнадцатипятиэтажного дома, знакомые и незнакомые, вышли на улицу праздновать.

— Хорошо, что мы оставили дома Тишку, а то бы он испугался этих салютов, — сказал Глеб.

Мама грустно посмотрела на него, на папу, на всех нас. Несколько раз. Но взгляд ее становился все веселее и веселее. Она улыбнулась и сказала:

— С Новым годом! Я рада, что мы все вместе и что наш Дед Мороз не опоздал.

И мы все закричали:

— С Новым годом!

— Ура!

— С новым домом!

Папа достал из кармана бенгальские огни. Мы зажгли их от дров в печке, как делали всегда. Сашка снова заснул, и папа нес его до нового дома на руках, хоть ему и трудно было удерживать одной рукой — другой-то он опирался на блестящий посох. А одеяло несла я, это же мое приданое.

Невозможный ящик

Когда стоишь на нашем балконе, со всех сторон тебя толкает и дергает ветер, а мама из комнаты держит за куртку, чтобы ты не улетел. Постоять и посмотреть с такой верхотуры очень хочется, но мама боится, что мы упадем. Нас четверо, а у нее только две руки, и она не пускает всех сразу. А если взрослых дома нет, то нам и вовсе не разрешается выходить на балкон. Взрослые — это кто? Вот Глебу весной четырнадцать, ему дадут паспорт, значит, он тоже взрослый. Но мама считает, что пока еще нет, до совершеннолетия он ребенок.

Не малыш, по ее словам, но пока ребенок. Правда, когда она ругает его, всегда говорит:

— Ты же взрослый!

— То маленький, то взрослый, вы бы остановились на чем-то! — однажды крикнул Глеб, когда они с мамой ругались из-за уборки.

Очень он нервничает и волнуется, когда его называют ребенком, у него даже все лицо покрывается прыщами. В последний раз такое случилось, когда мы переезжали. Что говорить, это всем далось нелегко. Соседи советовали нам нанять специальную машину для перевозки вещей. Но папа сказал, что это несколько странно — беспокоить людей ради каких-то трехсот метров. Сами всё перетаскаем. Так и сказал: несколько странно.

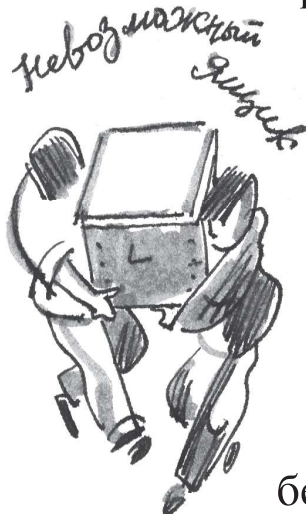
Три дня мы туда-сюда ходили, за вещами и обратно, чаще даже не ходили, а бегали. Надо было переехать в эти три дня, не растягивать, допустим, на неделю. Нам сказали, что потом приедет специальная машина, которая начнет ломать дома. Но она не приехала до сих пор, зато в деревне отключили электричество и все остальное. Мы уже три недели живем в новом доме, а из окон нашей с Сашкой комнаты и кухни видим свою деревню.

Мы с Глебом носили вещи после школы. Васька сидел с Сашкой, потому что болел и не учился. Мама работает то утром, то вечером, в свободное время она упаковывала и приносила вещи в новую квартиру. У папы куча работ, и он пытался успеть забежать домой между ними. Но в конце концов поступил хитрее всех. Раздал несколько ящиков и коробок соседям, и когда кто-то из них переезжал, то они и их увозили на машине. Он бы мог сам отвезти на нашей серой Фросе, но она, как назло, была сломана и никак не хотела чиниться.

Папе никто не мог отказать, такой он обаятельный. Правда, мы не запомнили, кому что досталось. И до сих пор иногда соседи во дворе просят нас передать папе, чтобы зашел и забрал дрель, старые дырявые валенки или тяжелючий ящик непонятно с чем.

— Что там может быть? — говорит наш папа и отправляется в соседний подъезд. Никто не знает. Папа звонит Глебу и просит его прийти помочь, ну и меня можно захватить заодно.

Этот ящик хранился у дяди Толи. Как только они подняли его к себе? Хоть и на лифте, но до него же еще нужно дотащить. Мы в таких ящиках из заборных досок храним картошку, но у них хотя бы ручки есть, а у этого нет, приходится братья за дно. Папа с Глебом взялись с двух сторон, но папе неудобно — у него же трость в руке. Надо или бросать ее, или не трогать ящик. Он передал мне свою палку и сразу стал сильнее хромать. Когда же он вылечится? Во дворе новые соседи на него сначала оглядывались, как будто это какое-то чудо — человек с тростью! В деревне-то все знали, что наш папа то больше, то меньше хромает, никто внимания не обращает. Здесь тоже привыкнут, но пока еще не привыкли.

Еле-еле этот ящик доволокли папа с Глебом до лифта. Тут дядя Толя как будто проснулся, сунул ноги в валенки, надел куртку и поехал с нами вниз. Он тоже живет на шестнадцатом этаже, как мы, если что, можно перестукиваться в стенку. Но мы не стучим: в деревне мы жили через один дом и не привыкли беспокоить друг друга по пустякам. Если

что-то очень нужно, всегда можно дойти. Так и тут, мама сказала, что не надо стучать, только в крайнем случае, если, например, воры полезут, а мы одни дома. Но тогда лучше не в дяди-Толину стенку, а по батарее: так нас больше человек услышат. Но это не очень правильно, мне кажется, тут почему-то часто стучат по батарее, я слышала несколько раз. А куда бежать — непонятно. Может, к кому-то лезли воры, а я не разобралась к кому. Ни к кому, наверно, не лезли, все бы уже знали, если бы так.

Дядя Толя помог нам дотащить ящик. Он долго метался, кого ему заменить: папу или Глеба? Глеб еще не совсем вырос, а папа хромает. Я то отдавала папе его трость, то забирала снова. В конце концов от лифта до двери подъезда и от подъезда до подъезда ящик тащили папа и дядя Толя, до лифта — папа и Глеб, а от лифта до кухни — Глеб с дядей Толей. По-моему, все справедливо.

Дома папа долго держался за колени, мама ходила мимо него и сердилась, а он только улыбался и говорил: — Ничего, ничего.

И правда, через два часа как будто стало ничего. Папа встал, походил, нашел гвоздодер и оторвал им крышку ящика.

— Надя! — закричал он на всю нашу новую квартиру. — Надя! Иди скорее!

На кухню прибежали мы все. Сначала я ничего не увидела, братья и мама стояли вокруг ящика, загородили вид. А потом поняла, почему он такой тяжелый: стенки внутри были обиты то ли железом, то ли толстой фольгой, а внутри лежали какие-то старинные бумаги. Мама смотрела на них и молчала. Потом села на пол возле ящика.

— Серёженька, это же невозможно. Где они были?

— На чердаке. Мы с Толиком спускали. Я не стал открывать, подумал, на новом месте разберусь. Вот что тут, оказывается...

— Я думала, мы потеряли это всё. Папа же не сказал, где документы.

— Мам, это чего? — спросил Васька.

— Родня, — ответила мама.

Оказывается, это бумаги всей нашей семьи: фотографии, дневники, письма. Лет за сто. Ладно, не за сто, лет за восемьдесят. Бумажные елочные игрушки, маленькие отрезки клеенок, которые завязывали младенцам в роддоме, на них записан рост и вес ребенка, пол, дата и время рождения.

— Невозможно, невозможно, — все повторяла мама.

— Наверно, она больше не будет сбегать на родину, — сказал тихонько Васька. Мог бы и громче, кстати, мама все равно ничего не слышала, она брала каждую бумажку в руки, разглядывала и передавала нам. Бумаги мы почти сразу отдавали обратно маме, а вот фотографии изучали подробно. Старинные люди глядели и не глядели на нас с карточек, серые, пожелтевшие слегка, серьезные и не очень. Вот тетя Рая с дядей Игорем стоят возле машины, вот наша двоюродная бабушка, которую зовут тетей Зиной, поливает грядки из шланга, вот какие-то парни в кепках и пиджаках, с сигаретами в зубах стоят на летней улице, а вот и молодая бабушка Света вышивает черно-белые цветы. Что-то было у всех этих людей с фотографий общее, в лице и во взгляде. Родня всё же. Получается, и мы чем-то на них похожи. Часто мы узнавали на фотографиях

